

ПРОБЛЕМА РУССКИХ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ ЯНА ДЛУГОША И МАЧЕЯ СТРЫЙКОВСКОГО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются мнения отечественных и зарубежных исследователей XIX–XX вв. по вопросу реконструкции летописных источников польских историков позднего Средневековья и эпохи Возрождения, представивших на страницах своих сочинений развернутое описание истории русских земель.

Ключевые слова: польские хроники; летописи; Длугош; Стрыйковский.

Восточнославянские летописные памятники являются наиболее важным источником «русских» известий польских авторов позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Именно они позволили получить представление о политической истории славянского востока, а также значительно дополнить представления средневековых польских анналистов об отношениях Польши и средневековых русских земель. Вместе с тем отношение польских историков конца XV–XVI вв. к летописям не всегда было корректным. Ссылки на русские летописные памятники в польских хрониках являются большой редкостью, заимствованные из них известия зачастую переносились со значительными искажениями, допускались многочисленные ошибки при транслитерировании хоронимов и имен собственных, а также хронологические неточности, обусловленные погрешностями, связанные с переводом дат из летоисчисления «от сотворения мира» в летоисчисление «от Рождества Христова». Отчасти данные недостатки можно отнести на счет плохого знания польскими авторами русского языка, а также опосредованным характером восприятия русских летописных памятников.

Вопросу использования летописей «чисто» русско-го и литовско-русского происхождения польскими средневековыми и ренессансными авторами в качестве источника формирования представлений о прошлом русских земель посвящена обширная литература. Эта проблематика привлекла внимание И. Даниловича, К.Н. Бестужева-Рюмина, Х. Зайсберга, И.А. Линиченко, А. Семковича, А.А. Шахматова, Е. Перфецкого, И.А. Тихомирова, М.Н. Тихомирова, Н.Н. Улащика, А.И. Рогова, Ю.А. Лимонова, Ю. Раджишевской, Ф. Щелицкого, Б.М. Клосса, Н.И. Щавелевой, А.В. Назаренко и др. Эти ученые выявили объем и структуру заимствованных польскими хронистами сведений по истории средневековых русских земель из летописных памятников различного происхождения. Наибольшее внимание исследователей привлек вопрос заимствованных свидетельств из русских летописей в сочинениях выдающихся польских историков Яна Длугоша (Jan Długosz, 1415–1480) и Мачея Стрыйковского (Maciej Strzykowski, 1547–1590), содержавших обстоятельное описание истории русских земель.

Соображения о происхождении русских источников хроники Длугоша высказывались как отечественными, так и зарубежными учеными уже в первой половине XIX в. – Н.М. Карамзиным, Р. Роепелем и др. Однако глубокая проработка данного вопроса была осуществлена лишь исследователями второй половины XIX столетия, продолжена в XX в., сохраняется к нему интерес научного сообщества и в наше время. Впервые выборка «русских» известий Длугоша (охватившая период с

древнейших времен до 1386 г.) была осуществлена К.Н. Бестужевым-Рюминым, который опубликовал в приложении к своей монографии «О составе русских летописей до конца XIV в.» (1868) фрагменты хроники этого польского историка, заимствованные из летописных памятников, нашел соответствия этим фрагментам в русских летописных памятниках, а также частично перевел их на русский язык [1. С. 64–378]. Вместе с тем в работе К.Н. Бестужева-Рюмина не было проведено глубокого источниковедческого анализа «русских» известий Длугоша и даже не давалось их общей характеристики. Этим вопросам в своих работах уделили внимание польский исследователь А. Семкович и русский ученый А.А. Шахматов.

А. Семкович был автором «критического разбора» первых десяти книг хроники Длугоша (доведен до 1384 г.), в котором были подробно проанализированы источники «русских» известий этого польского историка. Комментариям погодных статей Длугоша предшествовала обстоятельная характеристика важнейших групп источников этого историка. Летописные памятники вызвали у А. Семковича наибольшие сложности: он не берется определить происхождение всего комплекса русских источников хроники, ограничившись констатацией того, что «все они восходят к одному и тому же основанию, а именно к хронике Нестора» [2. С. 52]. Аргументы своих предшественников, называвших в разное время источниками Длугоша Ростовскую (Н.М. Карамзин), «Пушкинскую» (Р. Роепель), Троицкую и Радзивилловскую (Х. Зайсберг) летописи, А. Семкович считает неубедительными и, со своей стороны, приводит доводы в пользу невозможности достоверно определить происхождение летописных сводов, которые были источниками «русских» известий польского хрониста. Польский ученый называет в качестве причин, затрудняющих работу исследователя этого вопроса, искажения летописных свидетельств Длугошем вследствие плохого знания им русского языка, произвольные сокращения летописных свидетельств и объединения в одних и тех же фрагментах описаний событий разного времени, а также полное незнание летописной хронологии.

Польский исследователь приходит к выводу об использовании Длугошем «собственно» летописи Нестора в качестве источника «русских» известий о событиях, произошедших до 1112 г., который, по его оценке, «сознательно изменяя или утаивая детали, невыгодные для Польши», а также соединяя в своей хронике ее свидетельство со свидетельствами польских источников, нередко соединял в единой целое события, которые «ни хронологически, ни логически не могли быть соединены». Период с 1117 по 1239 г., как полагает

А. Семкович, Длугошем освещался по памятникам, созданным «продолжателями» Нестора, в числе которых выделяются Лаврентьевская, Троицкая и Радзивилловская летописи, а после 1239 г. в качестве важнейшего летописного источника ученым характеризуется летописный памятник, «близкий Ипатьевскому и Волынскому сводам» [2. С. 54]. Детально влияние этих памятников прослеживается в комментариях к «погодным» статьям хроники. Вместе с тем польский исследователь также особо выделяет те «русские» известия, которые не находят отражение ни в одном из известных в его время (работа А. Семковича была опубликована в 1877 г.) летописном памятнике, характеризуя их как «Перемышльскую» летопись (*latopis przemyski*), и относит такие свидетельства к неразрешимым загадкам хроники Длугоша [2. С. 53].

Влияние русских летописей на Длугоша, по заключению А. Семковича, прослеживается лишь в первых семи книгах хроники (последнее летописное известие датируется 1288 г.). В дальнейшем этот польский исследователь констатирует наличие огромного, почти 100-летнего разрыва между представленными Длугошем свидетельствами, заимствованными из «чисто» русских летописных памятников и «летописей литовских». Влияние последних на польского хрониста А. Семкович отмечает лишь при описании событий двух заключительных десятилетий XIV в. и последующего времени. Во всей IX книге сочинения Длугоша польский исследователь не находит «ни одной детали, которая бы была заимствована из русских хроник».

А. Семкович также предпринимает попытку связать отдельные известия по истории восточно-славянских земель, находившихся под политическим контролем Великого княжества Литовского, с двумя летописными памятниками литовско-русского происхождения, введенными в научный оборот польскими учеными в первой половине XIX в., называемыми по именам их издателей «хрониками» Даниловича (иначе: Супрасльская летопись) и Нарбута (иначе: Хроника Быховца). При этом исследователем высказывается предположение о том, что «Длугош использовал неизвестную летопись, происходящую с того же самого источника, что и летописи, открытые Даниловичем и Нарбутом», так как не обнаруживает прямых соответствий заимствований из этих литовско-русских летописей его хроники с текстом какого-то одного из открытых в XIX в. памятников [2. С. 55]. Таким образом, вопрос литовского летописного источника «русских» известий Длугоша А. Семкович также оставляет открытым.

А.А. Шахматов в монографии «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908) критически относится к достижениям своих предшественников и подробнейшим образом анализирует летописные источники Длугоша, предпринимает попытку определить взаимное отношение друг к другу отдельных списков и сводов, имевшихся в распоряжении этого польского историка. Исследователь приходит к выводу о том, что Длугош ограничился использованием лишь нескольких, «трех или четырех русских летописей» [3. С. 341]. Основным источником польского хрониста А.А. Шахматов называет «общерусский по содержанию и составу своему свод», включавший как статьи, восходившие

к «Повести временных лет», так и известия, вошедшие в состав киевской и суздальской летописей [3. С. 342]. При этом ученый не берется указать на определенный летописный памятник, «вполне соответствовавший тому составу, который предполагается общерусским источником Длугоша», однако предполагает что основным источником его «выборки» мог быть общерусский свод 1423 г. [3. С. 343]. Вместе с тем «русские» известия в пределах XII и начала XIII в. А.А. Шахматов склонен возводить к своду, сходному с Лаврентьевской летописью [3. С. 345], которая признана ученым главным источником представлений Длугоша о событиях русской истории до XI в. включительно.

Вторым по значимости летописным источником Длугоша А.А. Шахматов считает летопись XIII в., названную им «Галичской» (соотнесена с Перемышльским летописцем А. Семковича), которая, по мнению ученого, частично вошла в состав Ипатьевской летописи и общерусского свода начала XIV в. Именно к этому источнику А.А. Шахматовым отнесены «русские» известия, не известные составителям общерусского свода 1423 г., главным образом касавшиеся событий в истории русско-польских приграничных отношений XII и XIII вв. Русский ученый также высказывает гипотезу о влиянии «Галичской» летописи на «русские» фрагменты Длугоша IX–XI вв. и объясняет именно привлечением этого источника расхождения со свидетельствами Лаврентьевской летописи [3. С. 352].

Таким образом, в заслугу А.А. Шахматову можно поставить прежде всего попытку определения летописного источника Длугоша, альтернативного «Повести временных лет», и продолжавших ее памятников, в результате чего были выдвинуты предположения, не подтвержденные открытием конкретных памятников (каких-либо памятников, указывавших на существование «Галичской» летописи, не было открыто, и потому этот памятник так и остался лишь «гипотетическим» сводом). Впрочем, сам А.А. Шахматов отмечал вводный характер своих «замечаний», полагая изучение Длугоша «со стороны русских источников» делом будущего, видел в этом задачу последующих поколений исследователей. Изыскания в интересующем нас направлении были значительно активизированы в связи с переизданием оригинального латинского текста и современного польского перевода хроники Длугоша, а также публикацией «русских» фрагментов первых шести книг его сочинения в России.

Изучению вопроса использования Длугошем особого русского летописца были посвящены работы Е. Перфецкого и М.Н. Тихомирова. Украинский историк Е. Перфецкий предпринял попытку реконструировать этот памятник посредством сравнения «русских» известий, содержащихся в хронике Длугоша, «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, при этом он называет его, следуя А. Семковичу, «Перемышльским» сводом [4. С. 105–110; 5. С. 31–45]. Результаты изысканий Е. Перфецкого, определившего «Перемышльский» свод как памятник, производный от «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, были поставлены под сомнение М.Н. Тихомировым, который со своей стороны высказал предположение об использовании Длугошем более раннего по времени

возникновения по сравнению с вышеупомянутыми памятниками летописного источника, содержавшего сведения о древнейшей истории Руси, который был доведен до смерти Владимира Святого.

Попытка реконструкции этого предполагаемого источника Длугоша была осуществлена М.Н. Тихомировым посредством выявления в тексте хроники тех «русских» известий, которые содержательно не согласуются с «русскими летописными данными», прежде всего с открытыми летописными памятниками, восходящими к «Повести временных лет». Эти расхождения, которые скрупулезно перечислены в работе М.Н. Тихомирова, для исследователя являются свидетельством наличия у Длугоша источника, заключавшего в себе «особую традицию», но в то же время состоявшего в непосредственной связи с «Повестью временных лет» и Новгородской I летописью. Тем самым отрицается сама возможность заимствования Длугошем свидетельств из этих памятников и на этом основании пересматривается ключевой тезис гипотезы Е. Перфецкого о производности «Перемышльского» свода, хотя М.Н. Тихомиров и соглашается с высказанным этим ученым предположением об использовании польским историком этого памятника не в первоначальном виде, а в составе более поздней компиляции. При этом М.Н. Тихомиров не сомневается в южно-русском, а точнее киевском происхождении предполагаемого русского летописца, использовавшегося Длугошем, считая основанием для такого вывода особое внимание хрониста к событиям в южной Руси, прежде всего основанию Киева, о котором упоминается раньше, нежели описывается сюжет призвания варяжских князей в Новгород, отсутствие упоминаний об Олеге и ряд других особенностей [6. С. 235].

Еще одним основанием для выделения русского летописца Длугоша в качестве особого памятника М.Н. Тихомиров называет игнорирование польским хронистом хронологии «Повести временных лет»: датировка описываемых событий, как замечает исследователь, появляется достаточно поздно (с 968 г.) и при этом не совпадает с датировкой сохранившихся до нашего времени летописных памятников. Этот аргумент для концепции советского ученого крайне важен, поскольку подкрепляет высказанную в свое время А.А. Шахматовым гипотезу об искусственности внесенных в текст русской начальной летописи погодных дат. Таким образом, летописный источник Длугоша, реконструкция которого могла быть осуществлена посредством анализа его «русских» известий, относящихся к X в., по мнению М.Н. Тихомирова, мог послужить основанием для пересмотра многих устоявшихся взглядов на историю русского летописания в целом [6. С. 237].

Спектр летописных источников, рассматривавшихся в качестве вероятных источников «русских» известий Длугоша, был существенно расширен в результате изысканий, проведенных Ю.А. Лимоновым: помимо Лаврентьевской (Троицкой), Ипатьевской и западно-русских летописей этот исследователь также был склонен относить к их числу Софийскую I летопись, в которой отразились своды 20-х гг. XV в. и Московский свод 1480 г., содержавший наиболее полное собрание известий о событиях XII–XIII вв., а также Ермолин-

скую летопись [7. С. 11]. Этот ученый полагал наиболее вероятным использование Длугошем не множества летописей, а одного памятника, созданного в современную ему эпоху, на что, по его мнению, указывали случаи объединения не только в одном «погодном» сообщении, но даже в одной фразе свидетельств, заимствованных из разных летописных памятников. Ю.А. Лимонов предполагает, что «русский источник Длугоша уже соединял чтения многих памятников, был сложным по своему составу» и включал различные заимствования из летописей в зависимости от освещаемой эпохи. Так, текст хроники до XII в., согласно выводам Ю.А. Лимонова, основывался на «Повести временных лет» третьей редакции «с некоторыми дополнениями из юго-западных сообщений». Текст за XII в. – на известиях, близких сообщениям Московского летописного свода 1480 г., а также Лаврентьевской и Ипатьевской летописям с добавлением цикла юго-западных галицких известий. Текст за XIII в., помимо все тех же Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, также содержал заимствования, относящиеся к русской летописи, посвященной Галичу, которые не находили себе параллелей в каких-либо сохранившихся памятниках [7. С. 94]. Наконец, «русские» известия Длугоша XIV и XV вв., как полагает Ю.А. Лимонов, были близки сообщениям западно-русских летописей и свода 1480 г.

Выводы Ю.А. Лимонова были подвергнуты критике Б.М. Клоссом, автором вводной статьи к публикации современного перевода на русский язык известий Длугоша об истории русских земель, содержащихся в первых шести книгах его труда. Этот исследователь также высказал свои предположения о составе русских источников польского хрониста. По его мнению, Длугошу могли быть доступны памятники четырех типов: (1) летопись типа Лаврентьевской; (2) памятник из семейства Софийской I – Новгородской IV летописей (вероятно, одна из переработок относящегося к нему свода митрополита Фотия, оказавшихся на территории Литвы [8. С. 43]); (3) южнорусский источник XIII в., сходный с Ипатьевской летописью и отражающий южно-русскую (галицко-волынскую) традицию, а также (4) западно-русская летопись, которая была привлечена для описания событий конца XIV в. Б.М. Клосс в своем исследовании настаивает на использовании Длугошем смоленских редакций упомянутых русских летописей, что относится как к южно-русскому источнику, так и летописному своду новгородско-софийского происхождения [8. С. 52].

Гипотезы упомянутых выше авторов, несмотря на критические замечания, высказанные в их адрес, несомненно, обогатили научные представления о летописных памятниках, использовавшихся Длугошем при написании хроники, однако не позволили окончательно ответить на вопрос о происхождении «русского» протографа, ставшего источником его сочинения. Идентификация источников «русских» известий польского хрониста по ряду позиций вызывала и будет вызывать сомнения, прежде всего, потому, что его хроника не была компилятивным произведением, в связи с чем отдельные ее свидетельства вовсе не подтверждаются русскими источниками, а в иные польский историк произвольно вносил изменения, существенно изменяя

летописное сообщение. Прежде всего, мы имеем в виду те сообщения польского историка, которые не согласуются с общепринятыми трактовками описываемых событий в русских летописях. Эти реляции, как правило, были результатом амплификаций Длугоша, литературного «развертывания» им того или иного конкретного сюжета, в основу которого могли быть положены заимствованные из источников упоминания о фактах или событиях, но при этом фабула сюжета нередко претерпевала значительные изменения вследствие подчинения описания задаче доказательства тех или иных конъюнктурных идей.

Русские летописные источники также сыграли определяющую роль в создании концепции истории русских земель Мачея Стрыйковского. В заслугу этому автору можно поставить прежде всего существенное расширение спектра летописных памятников, привлеченных для написания им хроники и других исторических сочинений. Эти памятники можно разделить на две группы: с одной стороны, «чисто» русские летописи, близкие по происхождению источникам Длугоша, с другой – памятники литовско-русского происхождения, использование которых позволило описать историю тех восточно-славянских земель, которые были подчинены литовским князьям.

К первой группе источников самим историком относятся «4 старые киевские хроники» (*Kijowskie kroniki stare 4*), «старые русские хроники» (*Ruskie kroniki stare*) и «московская история» (*Moskiewskie dzieje*). Какие именно летописные памятники были использованы при написании хроники, Стрыйковский не сообщает. А.И. Рогов пришел к выводу, что большая часть летописей, использовавшихся польским автором, находилась в частных собраниях князей Заславских и Слуцких, а также Яна Ходкевича, который был опекуном Супрасльского монастыря, тесно связанного с Киево-Печерским монастырем – крупнейшим центром западно-русской книжности того времени [9. С. 31–32]. Эти возможности, по мнению А.И. Рогова, позволили польскому автору познакомиться с «Повестью временных лет» через посредство Новгородско-Софийского свода 1448 г., Тверской летописи и Летописца Переяславля Суздальского [Там же. С. 108]. Именно они, как полагает исследователь, составляли летописную основу «русских» известий Стрыйковского, благодаря чему реляции этого польского автора оказались гораздо содержательнее сообщений Длугоша [9. С. 110].

Интереснейшим источником познаний Стрыйковского об истории Руси А.И. Рогов называет «русскую хроничку» – не сохранившийся до наших дней в составе летописных сводов «особый русский летописец», описывавший события второй половины XI – начала XII в. (открывается известием о смерти князя Ярослава Владимировича) [9. С. 83]. Источником для составителя хронички, по мнению А.И. Рогова, послужили Печерская летопись и ряд других памятников [Там же. С. 117–118]. Не вполне ясно, что именно подразумевает Стрыйковский под «киевскими летописями» и «московской историей», фигурирующими в реестре источников его хроники. По всей видимости, определение «киевский» применительно к источнику исторических сведений употребляется в данном случае как синоним

определения «русский», поскольку в тексте хроники первого словосочетания мы ни разу не встречаем. Упомянув о «московской истории», Стрыйковский, очевидно, имел в виду не какой-либо конкретный памятник, а всю совокупность исторических свидетельств московского происхождения, использовавшихся преимущественно при написании заключительных книг своей хроники. О том, что это были за памятники, мы можем лишь догадываться по весьма скупым оговоркам историка. Так, по словам Стрыйковского, в его распоряжении находилась некая «старая московская хроника» (*stara kronika Moskiewska, której ja też exemplarz mam*), содержание которой польский автор даже соотнес с содержанием исторического очерка в составе записок Герберштейна и сумел выявить между ними сходство [10. С. 128]. О наличии в арсенале источников Стрыйковского каких-либо иных московских памятников нам ничего не известно.

Ко второй группе летописных источников Стрыйковского относятся так называемые литовско-русские летописи, к которым он получил широкий доступ также благодаря содействию покровительствовавших ему магнатов и церковных иерархов Великого княжества Литовского. Вопрос соотнесения известий польского историка со свидетельствами литовско-русских летописных памятников привлек внимание исследователей в связи с открытием в 20-х гг. XIX в. польскими учеными Т. Нарбутом и И. Даниловичем двух «хроник», первоначально названных их именами, а ныне известных как хроника Быховца и Супрасльская летопись. Содержание этих памятников во многом перекликалось со свидетельствами сочинений Стрыйковского. Вместе с тем мнения исследователей, сопоставлявших эти источники, разделились. Так, Т. Нарбутом и было высказано мнение о том, что именно список хроники Быховца являлся основным источником тех фрагментов сочинений Стрыйковского, которые были посвящены литовско-русской истории [11. С. 579]. И. Данилович выделяет в качестве «чисто-литовских» источников этого автора две летописи, названные им «древними». Первая из них не соотносится с памятниками, известными современникам, – о ее существовании исследователь делает вывод на основании свидетельств самого Стрыйковского [12. С. 82]. Вторую «древнюю» летопись, использованную Стрыйковским, И. Данилович прямо называет «Литовской летописью Быховца», считает ее той самой летописью, которая была получена историком от князей Заславских (полагая, в связи с этим, что летописец Быховца более справедливо было бы называть «Заславским») [Там же. С. 92], и вслед за Т. Нарбутом склонен признавать ее лучшим и наиболее полным источником «литовско-русских» известий Стрыйковского [12. С. 89].

И.А. Тихомиров, проанализировавший заимствования Стрыйковского из литовско-русских летописей, пришел к выводу, опровергнувшему гипотезу Т. Нарбута и И. Даниловича, в частности, их тезис о непосредственном использовании польским историком текста летописца Быховца. По мнению И.А. Тихомирова, в распоряжении Стрыйковского были различные редакции литовских летописей, нередко превосходившие по полноте сохранившиеся памятники, в том числе и летописец Быховца [13. С. 89]. Использование Супрасль-

ской летописи Стрыйковским исследователем и вовсе отрицает [13. С. 90], а при осуществлении подробного обзора «литовских» известий находит соответствия свидетельствам польского историка в ряде других открытых ко времени написания его работы (1901 г.) летописных памятников литовско-русского происхождения, в числе которых, помимо летописца Быховца (Нарбута), чаще других упоминаются открытая в 1846 г. О.М. Бодянским «Познанская» рукопись (иначе: список Рачинского), летопись Археологического общества и рукопись Красинского. Из них исследователь выделяет летописи Быховца и Красинского, усмотрев в них наибольшие сходства с текстом хроники, что дает ему основание полагать, «что первая летопись Стрыйковского – одно и то же с летописью, сохраненной в рукописи Красинского, а вторая – с изданной Нарбутом» [13. С. 87].

Отечественные ученые второй половины XX в. Н.Н. Улащик и А.И. Рогов, скрупулезно исследовавшие литовско-русские летописи, так же как и И.А. Тихомиров, пришли к выводу, что Стрыйковский не использовал непосредственно текст открытой Т. Нарбутом летописи, а имел в своем распоряжении несколько летописцев «типа Быховца», очень близких ему по содержанию и соединявших черты той или иной разновидности известных нам летописей [9. С. 128, 130; 14. С. 19]. В число таковых, помимо упомянутых выше списков Археологического общества, Рачинского и Красинского, А.И. Роговым и Н.Н. Улащиком была отнесена также неизвестная И.А. Тихомирову Евреиновская летопись, опубликованная в составе XVII (1907) и XXXV (1980) томов Полного собрания русских летописей (ПСРЛ).

Таким образом, при определении литовско-русских источников Стрыйковского целесообразно находить соответствие летописных памятников применительно к каждому конкретному свидетельству. При этом некорректно было бы назвать какой-либо из известных нам памятников основным источником сочинений польского историка. По всей видимости, им использовался не сохранившийся до нашего времени протограф летописца Быховца (поскольку именно в этом источнике обнаруживается более всего соответствий с хроникой Стрыйковского), включавший также отдельные свиде-

тельства, которые позже могли быть перенесены в литовско-русские летописные памятники, сохранившиеся до наших дней. Данная гипотеза нашла подтверждение в исследованиях Н.Н. Улащика и А.И. Рогова, осуществивших источниковедческий анализ «литовско-русских» известий хроники Стрыйковского на предмет заимствований им свидетельств из летописей литовско-русского происхождения [9. С. 123–258; 15. С. 82–129].

Н.Н. Улащик дополнил и развил упомянутое выше предположение А.И. Рогова о наличии у Стрыйковского нескольких летописцев «типа Быховца», со своей стороны высказав предположение о схожести или даже идентичности протографов летописца Быховца и не дошедшей до нас летописи князей Заславских, которая была названа им Берестовицкой (по местности Великая Берестовица, где ее список был передан Заславскими Стрыйковскому [15. С. 91]). Возникшую незначительную разницу между содержанием этих двух источников Н.Н. Улащик связывал с двумя обстоятельствами: с одной стороны, объяснил ее тем, что их гипотетический протограф при списывании с него Берестовицкой летописи «был в гораздо лучшем состоянии, чем когда с него списывалась хроника Быховца»; с другой стороны, в качестве причины различий в содержании Берестовицкого списка, напрямую переданного Стрыйковским, и летописца Быховца указал последующий перевод их гипотетического общего протографа, изначально созданного на старобелорусском языке (термин Н.Н. Улащика), на польский язык [15. С. 94]. Эти выводы могут быть основанием для оценки открытых и опубликованных в XXXII и XXXV томах ПСРЛ летописей литовско-русского происхождения в качестве источников, весьма близких летописным памятникам, использованным Стрыйковским при создании концепции истории русских земель, но не идентичных им. В этой связи объяснимы различия в описании отдельных сюжетов русской истории между хроникой этого польского историка и доступными нам летописями. В числе последних ближе всего к летописным источникам Стрыйковского оказываются летописец Быховца, Евреиновская, Румянцевская, Ольшевская летописи, а также списки Рачинского и Красинского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Русские известия Длугоша до 1386 г.* (по изданию 1711 г.) // Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. Приложение. СПб., 1868.
2. *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór «Dziejów Polski» Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887.
3. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
4. *Perfekci E.* Historia Polonica Jana Długosze a ruské letopisectví / E. Perfekcij // *Práce Slovanského ustavu v Praze.* 1932. Sv. 7.
5. *Перфецький Е.* Перемишльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша // *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Т. 149. Львів, 1928.
6. *Тихомиров М.Н.* Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша // *Исторические связи России со славянскими странами и Византией.* М., 1969.
7. *Лимонов Ю.А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.
8. *Клюсс Б.М.* Русские источники I–VI книг *Анналов Яна Длугоша* // *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I–VI). М., 2004.
9. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.
10. *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała. Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkich Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej, etc. [...]. Drukowano w Krolewcu u Gerzego Osterbergera, 1582.
11. *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu litewskiego. Wilno, 1838. Т. III.
12. *Данчилович И.* О литовских летописях // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* Т. 28., ноябрь 1840.
13. *Тихомиров И.А.* О составе западно-русских, так называемых литовских летописей // *Журнал Министерства Народного Просвещения.* Т. 335, май 1901.
14. *Улащик Н.Н.* Предисловие // *Хроника Быховца.* М., 1966.
15. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 января 2011 г.